

ОСТРОВ ДУРНЫХ МАНЕР

ОЛЕГ РЫЧКОВ

Олег Рычков

Остров дурных намерений

<https://litres.ru/74231563>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тропический остров в Индийском океане.

Здесь нет райских пляжей и кокосов. Здесь правит безумный доктор Валмиер, превращающий джунгли в лабораторию смерти. Павел Рублев, бывший спецгент ГРУ, официально мёртв уже три года. Но когда анонимный заказчик предлагает ему работу на частном острове, он понимает: это его единственный шанс вернуться к жизни или окончательно исчезнуть во тьме.

В мире, где реальность переплетается с цифровыми кошмарами, а каждый шаг может стать последним, Рублёву предстоит столкнуться не только с вооружёнными психопатами и боевыми роботами, но и со своим собственным разумом. Потому что внутри его черепа поселилась квантовая матрица доктора Валмиера, жаждущая вырваться наружу.

Это история о том, как выжить, когда ты сам стал оружием массового поражения.

Олег Рычков

Остров дурных намерений

Остров дурных манер

Глава 1: Неправильная посадка

Индийский океан пах раскаленным металлом и гниющими водорослями. Я вывалился из люка частного гидросамолета «Сессна», когда тот еще болтался на волнах вверх поплавками. Вода была теплой, как вчерашний суп в привокзальной столовой, и воняла дизелем. — Твоя остановка, Рублев! — проорал мне пилот через шум прибоя, перекрикивая дымящийся правый двигатель. — Дальше пешком! И передай Валмиеру, что залог я отработал!

Он сбросил мой баул прямо мне на голову, чудом не проломив череп, дал форсаж и попытался взлететь. С таким же успехом беременная корова могла бы попытаться выйти на околоземную орбиту. Самолет чихнул черным дымом, завалялся набок и окончательно заглох метрах в пятидесяти от берега, медленно начиная погружаться носом вниз.

Приятно знать, что меня ценят ровно в стоимость одной старой «Сессны». Плюс моральная компенсация за риск сесть в тюрьму за контрабанду людей.

Я выбрался на песок, отплевываясь от соленой воды. Белый льняной костюм, который я надел, чтобы изображать скучающего миллионера-туриста, теперь годился только для

мытья полов в дешевой рюмочной. Под легкой тканью пиджака скрывалась плечевая кобура с верным «Глоком» и швы под мышками, где был зашит антидот от доброй половины известных науке ядов. Спецагент ГРУ на пенсии, твою дивизию. Вернее, спецагент в самоволке, которого официально похоронили три года назад при взрыве конспиративной квартиры в Праге.

Пляж был девственно чист. Ни туристов, ни торговцев косами, ни даже крабов. Только белый песок, стена джунглей цвета свежераздавленного киви и палящее солнце, которое решило сварить меня вкрутую прямо в мокрых кожаных туфлях.

Мой заказчик, анонимный голос со скремблером, заплатил мне аванс в биткоидах, которые невозможно отследить. Задача казалась простой: проникнуть на частный остров доктора Элиаса Валмиера, забрать из сейфа в его лаборатории данные о проекте «Химера» и уйти тем же путем. Три дня работы для профессионала моего уровня.

Проблема номер один заключалась в том, что у заказчика внезапно кончились деньги на обратный билет. Или он просто решил сэкономить. Проблема номер два обнаружилась, когда я углубился в тень пальм метров на двадцать.

Там висел труп.

Это был европеец, одетый в остатки дорогого сафари-костюма. Солнце уже начало свою работу над брэнной плотью, но лицо оставалось узнаваемым. Это был Ричард Хейс, фи-

нансовый директор корпорации «Аэтерна». Тот самый человек, чей самолет пропал над этим сектором океана неделю назад. Мои бывшие коллеги из Лэнгли наверняка сейчас рвали на себе волосы, пытаясь понять, куда делись сто миллионов долларов бюджетных средств, которые Ричард переводил доктору Валмиеру на «исследования климата». Ричард раскачивался на толстой лиане, привязанной за ногу. На груди у него болталась картонная табличка, написанная маркером от руки. Крупными, дергаными буквами там было выведено одно слово:

«РУБЛЕВ»

А ниже, шрифтом помельче: «Добро пожаловать на барбекю. Мясо — ты. P.S. Шутку оценил, жги дальше».

В ту же секунду тишину острова разорвал звук, который совершенно не сочетался с райским пейзажем. Низкий, вибрирующий рык бензопилы. А следом за ним — дикий, истерический хохот. Кричало сразу несколько глоток, и звучало это так, будто хор мальчиков-зайчиков перебрал первитина и нашел ящик ржавых садовых инструментов.

Из-за поворота звериной тропы показались они. Четверо парней. Никакой военной формы, никаких тактических шлемов. На одном были гавайские шорты поверх гидрокостюма, на другом — хоккейная маска вратаря, а третий щеголял в одних семейных трусах в горошек и ковбойских сапогах. В руках у них были мачете, обрезки труб и та самая воющая бензопила.

Они увидели меня. Увидели мою белоснежную рубашку, которая теперь напоминала карту винных пятен после неудачного корпоратива. — О! — радостно проорал парень в хоккейной маске, перехватывая пилу поудобнее. — Подарочек! Валмиер сказал, если придет мужик, который выглядит так, будто заблудился по пути в спа-салон, — развлекайтесь, парни! Но глаза не выкалывать, он их обещал для коллекции!

Я тяжело вздохнул. Поправил мокрый воротник рубашки. Достал «Глок» из кобуры. Патронов было семнадцать. Их четверо. Значит, можно работать красиво, не экономя на фейерверках.

— Господа, — максимально вежливо произнес я, снимая пистолет с предохранителя. — Вы уверены, что хотите испортить мне отпуск? Я сегодня очень нервный. У меня носки промокли, а настроение портится исключительно от этого.

Парень с бензопилой зарычал громче и бросился вперед, поднимая облако песка. Зубья впились в ствол ближайшей пальмы, полетела щепка. Остальные трое ринулись по флангам, обходя меня веером. Классика дурного вкуса.

Ну вот. Теперь точно придется стирать костюм. И объяснять прачечной, откуда на шелке следы пороховой гари.

Глава 2: Анатомия барбекю

Парень с бензопилой оказался быстрее, чем позволяла его комплекция и здравый смысл. Он летел на меня, выставив ревущую железку вперед, как средневековый рыцарь — ко-

пье. От него несло дешевым виски, потом и жженым машинным маслом.

Я шагнул влево, пропуская удар мимо себя. Зубья пилы с визгом впились в ствол пальмы, за которой я только что стоял. В воздух полетели куски древесины и капли сока. Пила завязла.

У психов есть одна общая черта: когда их главное оружие клинит, они на секунду впадают в ступор, искренне удивляясь несовершенству этого мира. Этой секунды мне хватило.

Я впечатал рукоятку «Глока» прямо в открытый висок парня в хоккейной маске, который бежал слева. Хрустнуло. Маска треснула, окрашиваясь красным изнутри, и парень рухнул в песок, продолжая мелко подергивать ногами. Минус один.

Тот, что был в семейных трусах, взвизгнул так, будто наступил на морского ежа, и замахнулся обрезком железной трубы. Я поймал его руку на противоходе, вывернул кисть и добавил коленом в солнечное сплетение. Труба со звоном упала на камни. Парень сложился пополам, жадно хватая ртом воздух. Чтобы он не мешался под ногами, я добавил ему рукояткой пистолета по затылку. Минус два. Работаем в штатном режиме.

Оставались двое: застывший с пилой любитель флористики и еще один, самый тихий, который до сих пор держался позади с тяжелым мачете. Тихий понял, что шоу перестает быть томным, издал горловой клич и бросился на меня,

занося тесак над головой. Классическая ошибка новичка — бить сверху вниз. Это закрывает обзор и делает тебя уязвимым для захвата.

Я ушел в перекат вправо, прямо под его замах, поднимаясь из песка уже вплотную к нему. Выстрелил дважды, не целясь — от бедра. Первая пуля ушла в молоко, выбив фонтанчик песка у его колена. Вторая вошла точно в бедро. Мачете выпало из ослабевших рук, а сам громила повалился на колени, глядя на меня снизу вверх с выражением глубокой детской обиды. — Ты испортил мои новые туфли, — констатировал я, толкая его плечом в грудь. Он опрокинулся на спину, зажимая рану руками. Кровь быстро пропитывала белый песок, превращая пляж в декорации для дешевого слэшера.

Теперь оставался только главный герой сегодняшнего вечера — Бензопильщик. Он наконец справился с заклинившей цепью, но теперь смотрел на меня без прежнего энтузиазма. Скорее, с гастрономическим интересом хищника, который осознал, что антилопа оказалась оснащена ядовитыми шипами. — Валмиер сказал, ты смешной, — прохрипел он, перехватывая пилу двумя руками. — Сейчас мы посмотрим, будешь ли ты смеяться, когда я сделаю из твоего лица решето. — Большинство моих девушек говорило то же самое, — ответил я. — Правда, обычно после второго свидания.

Он зарычал и снова пошел в атаку. На этот раз медленнее, выписывая пилой восьмерки перед собой, пытаясь запугать. Психология стаи работала просто: трое валяются в отключке

или корчатся от боли, значит, вожак должен доказать свою крутость любой ценой. Иначе авторитет упадет ниже уровня моря.

Мне надоела эта возня. Остров вонял смертью, солнце жарило макушку, а мой льняной костюм окончательно потерял товарный вид. Я убрал «Глок» в кобуру. Огляделся по сторонам. Мой баул, сброшенный пилотом, лежал в десяти метрах левее. Из разорванного угла торчал кусок углепластика — приклад моей любимой укороченной винтовки М4, которую заказчик милостиво разрешил взять с собой, приняв ее за дорогой сувенирный кий для снукера. Но бежать за ней было далеко.

Мой взгляд упал на ту самую пальму, которую только что пытался изнасиловать Бензопильщик. Дерево жалобно трещало, готовое обрушиться прямо на нас. А чуть дальше, у линии прибоя, из мокрого песка торчала массивная палка. Слишком ровная для коряги. И слишком тяжелая.

Бензопильщик ринулся в последнюю атаку. Его глаза были абсолютно пусты.

Вместо того чтобы отступать вдоль берега, где песок рыхлый и замедляет бег, я сделал ровно наоборот. Шагнул навстречу. Прямо под опускающуюся цепь.

Время привычно растянулось в кисель. Я видел каждое движение каждого звена ржавой цепи. Видел каплю пота, стекающую по лезвию хоккейной маски мертвого парня. Слышал, как тяжело дышит раненый с простреленным бед-

ром.

Я нырнул рыбкой, прокатываясь буквально между ног здоровяка. Цепь просвистела в сантиметре над моей спиной, срезав несколько пуговиц с рубашки. Оказавшись за спиной Бензопильщика, я оттолкнулся от песка обеими ногами и прыгнул ласточкой в сторону приборя.

Руки сомкнулись на гладкой древесине. Тяжелая, чертовски тяжелая. Мокрая. Зато надежная. Весло. Либо от катера Хейса, либо местное. Не важно.

Бензопильщик разворачивался мучительно медленно. Его мозг отказывался обрабатывать тот факт, что добыча исчезла из поля зрения. Когда он повернулся, я уже выпрямился во весь рост, сжимая в руках двухметровое весло.

— Эй, плотва! — крикнул я. — Свободное место на барбекю еще осталось?

Он взревел и бросился на меня. Никакой техники, чистая первобытная ярость.

Первый удар веслом пришелся вскользь по его предплечью, отводя занесенную пилу в сторону. Звякнул металл о дерево. Второй удар я вложил снизу вверх, используя всю массу своего тела. Торец весла вошел точно под подбородок.

Хрустнуло. Что-то громко щелкнуло в районе шейных позвонков. Голова Бензопильщика дернулась назад под неестественным углом, словно сломанная марионетка. Он постоял еще секунду, все так же крепко сжимая рукоять заглохшей бензопилы, а затем рухнул навзничь, подняв облачко белой

пыли.

Тишина вернулась на остров внезапно, оглушающая после рева мотора. Только шумел прибой да стонал парень с дырой в ноге.

Я оперся на весло, переводя дыхание. Костюм можно было смело хоронить. Галстука не было вовсе — видимо, остался в зубах у какого-нибудь краба по пути сюда.

— Ладно, — сказал я труп в хоккейной маске. — Кто старое помянет...

Глава 3: Разговор по душам и первый сейф

Раненый парень больше не строил из себя героя. Он лежал на спине, зажимая бедро ладонями. Сквозь пальцы толчками выходила темная кровь, тут же впитываясь в песок. Его ковбойские сапоги мелко дрожали.

Я подошел к нему, перешагнув через тело Бензопильщика. Опустился на одно колено, воткнул весло в песок рядом с его головой так, чтобы оно отбрасывало тень ему на лицо. — Добрый день, — сказал я максимально дружелюбно. — Меня зовут Павел. А как называть тебя, кусок дегенерата? — П-пошел ты, — просипел он. На вид ему было лет двадцать пять. Щетина, расширенные от болевого шока зрачки. — Некогда мне ходить, у меня дела, — вздохнул я. — Смотри сюда.

Я достал свой «Глок». Передернул затвор, дослав патрон в патронник. Парень зажмурился, ожидая выстрела в голову. — Расслабься, Тарантино, это слишком быстро для такого

красавца, — я перехватил пистолет за ствол. — Я выбью тебе все зубы рукояткой. По одному. Начну с резцов. Это займет минут десять. Кричать будешь громко, а Валмиер услышит. И тогда придут ребята посерьезнее этих клоунов. Ты ведь их боишься? Тех, кто ходит тихо и улыбается только когда снимает кожу?

Он открыл глаза. В них плескался чистый ужас. Идеально. — Меня зовут Гнилой! — выпалил он на одном дыхании. — Просто Гнилой! Мы патруль внешнего периметра! Нас четверо на весь западный пляж! — Уже трое, — поправил я, кивком указывая на парня с простреленным виском. — И скоро будет минус один, если не начнешь говорить со скоростью пулемета. Где база Валмиера? — Там! — он дернул подбородком в сторону густой зелени джунглей. — Полчаса пешком по тропе! Большой дом на скале, мимо не пройдешь! Но там минные поля и собаки! Электрособаки! — Собаки подождут. Сейф. Где лаборатория держит свои железные шкафы? — В подвале дома... Охрана... Код знает только сам Валмиер и начальник охраны, Боров... — Замечательно. Значит, придется нанести им визит вежливости. Как часто меняется патруль на пляже? — Раз в четыре часа... Эти должны были уйти час назад, смена запаздывает... — То есть ваши друзья сейчас ищут вас здесь, вместо того чтобы охранять подходы к дому? Какое удачное стечение обстоятельств. Спасибо, Гнилой. Ты был очень полезен.

Его плечи расслабились. Он решил, что убивать его пере-

думали. Люди всегда слышат то, что хотят услышать. — Вы... вы отпустите меня? — прохрипел он. — Я уплыву, честно! У берега катер привязан! — Конечно, отпущу, — улыбнулся я. — Прямо к акулам. Или ты думаешь, Валмиер спустит вам захват заложника? Вы видели мое лицо. Вы знаете мой костюм. Вы свидетели, которые могут рассказать федералам, где искать проект «Химера».

Я поднял пистолет, перехватив его двумя руками. — Закрой глаза, — посоветовал я. — Говорят, мозг живет еще семь секунд после остановки сердца. Попробуй использовать их с пользой. Например, помолись своему безумному доктору.

Выстрел хлопнул сухо и коротко, почти теряясь в шелесте листвы. Голова Гнилого дернулась, и он обмяк. Песок под ним стремительно темнел. Минус четыре. Жаль, конечно, весло пришлось бросить — отличная была дубинка, сбалансированная.

Путь сквозь джунгли занял обещанные полчаса, но оказался мне вечностью. Рубашка прилипла к спине, мокрые туфли натерли пятки до крови, а каждый второй куст норвил вцепиться в штанины шипами размером с рыболовный крючок. Остров оказался гораздо больше, чем выглядел с воды. Валмиер явно не скупился на территорию для своих садистских наклонностей.

Тропа действительно существовала, но она была звериной — утоптанная земля, корни, торчащие из-под земли, слов-

но вены, и постоянный гул невидимых насекомых. Дважды я замечал растяжки. Примитивные, армейские — граната на проволоке между деревьями. Тот, кто ставил их, делал это лениво, полагаясь скорее на страх местных обитателей, чем на реальную безопасность. Я аккуратно переступал через них, стараясь не потревожить паутину, которой здесь было больше, чем воздуха.

Первым признаком цивилизации стал запах. Смесь озона, жженого пластика и чего-то сладковато-химического, напоминающего разлагающийся фрукт. А затем появился звук. Низкий, механический утробный рык, который заставлял вибрировать кости в черепе.

Электрособаки.

Они выскочили на поляну бесшумно. Две черные тени, похожие на доберманов, собранных из матового углепластика и хрома. Вместо шерсти — переплетение синтетических мышц. Вместо глаз — тусклые красные линзы-дальномеры. Из пасти капала дымящаяся слюна, разъедающая траву.

Классические сторожевые киборги модели «Цербер-4». Дорогая игрушка. Работают на литий-полимерных батареях, видят тепло, реагируют на движение быстрее пули. Но у любой машины есть слепые зоны.

Первая бросилась на меня без предупреждения. Я упал на спину прямо в грязь, перекатываясь через плечо. Челюсти клацнули там, где секунду назад была моя грудная клетка. Пока тварь разворачивалась, скользя металлическими лапа-

ми по влажной земле, я уже вскинул «Глок».

Стрелять в корпус бесполезно — композит выдержит попадание даже винтовочного калибра. Шея тоже защищена сегментными пластинами. Единственный шанс — оптика.

Я нажал на спусковой крючок дважды. Первая пуля выбила красный объектив левого глаза. Вторая вошла точно в правый. Линза лопнула брызгами дешевого стекла. Собака замерла на долю секунды, потеряв цель. Ее процессор пытался пересчитать траекторию атаки вслепую.

Этой доли секунды хватило. Я выстрелил третий раз — снизу вверх, под нижнюю челюсть, туда, где бронированный кожух шеи переходил в более тонкий металл креплений. Пуля пробила защиту и ушла куда-то вглубь процессорного блока. Робот рухнул набок, судорожно дергая задними лапами, словно пытаясь бежать лежа. По его синтетическим мышцам пробегали синие искры короткого замыкания.

Вторая собака оказалась умнее. Она не стала прыгать. Зашла сбоку, низко припав к земле, обходя меня по широкой дуге. Красные линзы оценивали расстояние.

У меня оставалось четырнадцать патронов. Перезаряжаться времени нет.

Собака сделала выпад. Я метнул ей навстречу пустой магазин от «Глока», целясь в морду. Рефлексы хищника сработали — челюсти сомкнулись на металле. Хруст. Магазин сплющило в лепешку.

Пока она пережевывала пластик, сокращая дистанцию, я

рванулся вперед, сокращая ее сам. Навстречу смерти. Самый идиотский маневр в учебнике выживания.

Мы столкнулись грудь в грудь. Тяжелая туша сбила меня с ног, мы покатались по грязи. Лапа с титановыми когтями прошла по моему плечу, распарывая рукав и кожу. Боль обожгла огнем, но адреналин пока глушил ее. Я нащупал на поясе кобуру. Нет, пистолет достать нереально. Нож. У меня должен быть нож.

Правая рука нырнула за голенище ботинка. Выкидной керамбит лег в ладонь идеально. Лезвие щелкнуло, выходя в боевое положение — узкое, черное, похожее на коготь.

Собака навалилась сверху, прижимая меня к земле весом в сто килограммов чистого механизма. Ее пасть раскрылась, готовая перегрызть мне горло. Из глотки пахнуло раскаленным металлом.

Я ударил ножом не в шею, а вниз. Под свою собственную лопатку, глубоко вбивая лезвие в стык грудной пластины робота, туда, где сходились гидравлические приводы передних конечностей.

Керамбит вошел с хрустом, будто я резал подмороженное мясо. Внутри собаки что-то лопнуло. Гидравлика фыркнула горячим маслом прямо мне в лицо. Нижняя половина тела киборга обмякла. Челюсти щелкнули в сантиметре от моего кадыка.

Она попыталась отпрянуть, но нож засел намертво, блокируя сустав. Я провернул рукоять. Металл внутри взвыл.

Искры посыпались дождем. Роботизированный пес завалился на бок и затих навсегда, продолжая лишь тихонько гудеть умирающим трансформатором.

Я выполз из-под него, тяжело дыша. Левое плечо онемело. Рукав рубашки превратился в лохмотья, пропитанные кровью. Отличное начало дня.

Впереди, метрах в ста, сквозь разрыв в деревьях блеснуло стекло. Огромный особняк в колониальном стиле, нелепо смотрящийся посреди первобытных джунглей. Дом стоял на вершине каменистого холма. Логово доктора.

Я поднялся на ноги, подобрал «Глок» и вставил новый магазин. Проверил рану на плече — глубокая царапина, ничего серьезного, хотя крови много.

Глава 4: Искусство входить через парадную

Особняк Валмиера выглядел как насмешка над здравым смыслом. Белоснежный фасад, мраморные колонны, широкая лестница, ведущая к массивным дубовым дверям. Вокруг — райские кущи с фонтанами и подстриженными газонами. А сразу за этим неестественным оазисом начинался ад из колючей проволоки, прожекторов на вышках и бетонных дотов, обложенных мешками с песком. Доктор явно страдал шизофренией в терминальной стадии: он хотел жить в журнале «Архитектурный дайджест», но при этом смертельно боялся почтальона.

Главный вход охраняли двое. Не такие психи, как пляжная четверка, а серьезные ребята в черной форме без зна-

ков различия. Стоят у подножия лестницы, шлемы-сферы закрывают лица, в руках — укороченные автоматы. Камеры наблюдения смотрели на меня мертвыми стеклянными глазами из-под каждого карниза.

Идти через минные поля слева или пытаться карабкаться по скале справа было бы профессионально, но долго. Мой костюм разорван, плечо кровоточит, а солнце уже начало клониться к закату, окрашивая небо в цвет дешевой томатной пасты. Мне нужно было попасть внутрь быстро, пока Боров со своими людьми не начал прочесывать пляж и не обнаружил пропажу патруля.

Я вышел из джунглей прямо на открытую лужайку. Медленно, демонстративно поднимая руки вверх. Пустой жест для двух профессионалов — они видели мое лицо еще до того, как я покинул тень деревьев. — Стоять! — рявкнул динамик на шлеме левого охранника. — На колени! Руки за голову!

Я послушно опустился на идеально подстриженную траву. Колено тут же намокло от автоматических систем полива. — Передайте доктору Валмиеру, что приехал Павел Рублев, — громко крикнул я, глядя прямо в объектив ближайшей камеры. — У меня назначена встреча. Он знает, по какому вопросу. И пусть прикажет своим мальчикам убрать пальцы со спусковых крючков, мне очень не нравится вид их маникюра.

Охранники переглянулись. Моя наглость сбила их с толку ровно на три секунды. Этого хватило.

Правый сделал шаг вперед, направив ствол мне в затылок, чтобы провести досмотр. Классическая ошибка дистанции. Как только он подошел на расстояние вытянутой руки, все еще ожидая, что я буду блехать от страха, я перекатился вбок, уходя с линии огня.

Выстрелить он не успел. Я врезался ногами ему под колени, бросая его тело навстречу второму охраннику. Они столкнулись. Раздался треск ломаемого пластика визоров и глухой стук падающего автомата.

Они были тяжелыми, тренированными, но слишком полагались на свою экипировку. Бой голыми руками против бронированного противника — это всегда математика рычагов. Ты не бьешь в грудь, ты ломаешь суставы.

Левой рукой я перехватил запястье первого, который пытался подняться, и резко вывернул кисть наружу. Хруст лучезапястного сустава прозвучал как сломанная сухая ветка. Автомат выпал из обмякших пальцев. Правым локтем я коротко ударил его в горло, прямо под край шлема. Глотка смялась. Парень рухнул обратно в траву, хрипя и пытаясь вдохнуть воздух, которого больше не было.

Второй уже поднимался на одно колено, шаря рукой по бедру в поисках кобуры с пистолетом. Его основной автомат отбросило в сторону при падении.

Я прыгнул на него сверху всем весом, впечатывая подошву мокрой туфли в незащищенное место между бронепластинами — в подключичную ямку. Охранник всхлипнул,

выгнулся дугой, и его глаза закатились. Шейные позвонки выдержали, но нервный узел отключил верхнюю часть тела мгновенно. Минус два элитных сторожа.

Тишина вернулась, но теперь она была другой — тяжелой, гудящей напряжением готовой взорваться базы. Где-то в глубине дома завывала сирена. Протяжно, тоскливо. Запоздало. Снаружи внешняя охрана видела лишь двух упавших парней на мониторах. Им понадобится секунд тридцать, чтобы осознать, что это не сердечный приступ.

Я схватил один из автоматов. Тяжелый, надежный «АК-12» с тактическим фонарем и глушителем. Проверил магазин — полный. Перевел планку предохранителя на автоматический огонь. Прихватил две запасные обоймы. Свой «Глок» убрал за пояс — сейчас нужен калибр посерьезнее.

Парадная дверь оказалась заперта, но электроника замка мигала красным диодом. Внутренняя сеть особняка только что потеряла связь с двумя ключевыми носителями биометрии. Система безопасности сходила с ума, не понимая, открывать ей двери хозяину или поднимать щиты.

Пока центральный процессор решал эту философскую дилемму, я достал из разгрузки одного из охранников связку магнитных карт-пропусков. Третья карта щелкнула, и тяжелые створки дверей медленно, почти церемониально разошлись в стороны.

Внутри пахло озоном, дорогим кондиционером для белья и антисептиком. Стерильная роскошь операционной. Мра-

морный пол, хрустальные люстры размером с малолитражку, картины импрессионистов на стенах. По обе стороны от входа стояли статуи — кажется, Роден, но с небольшими модификациями: вместо рук у них были встроены скорострельные пулеметы системы «Миниган». Пока неактивные. Но глазки лазерных целеуказателей на их плечах уже начали лениво поворачиваться в мою сторону, сканируя тепловой силуэт.

— Добро пожаловать домой, господин Рублев, — произнес мягкий женский голос из скрытых динамиков под потолком. Голос был лишен всяких эмоций, синтезированный идеальной нейросетью. — Зафиксированы множественные нарушения периметра. Уровень угрозы — критический. Активировать протокол «Чистилище»?

Я вскинул трофейный «АК», целясь в ближайшую камеру наблюдения, которая следовала за мной поворотом объектива. — Только попробуй, красавица, — процедил я сквозь зубы. — И мы начнем играть в пятнашку на твоих микросхемах. Отмени протокол. Отключи внешние турели. Переключи систему внутреннего наблюдения на мой терминал. — Запрос отклонен, — вежливо ответил голос. — Биометрическая подпись не распознана. Текущий статус пользователя: враждебный объект. Начинаю обратный отсчет до полной герметизации сектора. Десять...

Девять... Восемь...

Бронированные жалюзи с лязгом начали падать на ок-

на, отрезая путь к отступлению. Свет в холле сменился с мягкого янтарного на кроваво-красный. Статуи-пулеметчики окончательно проснулись, сервоприводы зажужжали, наводясь на центр моей грудной клетки.

Семь... Шесть...

Нужно было бежать. Лифты впереди заблокируются через пять секунд, превратившись в гробы. Оставалась только лестница на второй этаж — резная, деревянная, абсолютно бесполезная против свинца.

Пять... Четыре...

— Боров! — заорал я во всю мощь легких, надеясь, что внутренняя связь работает и начальник охраны слушает эфир. — Это Рублев! Твоя система сошла с ума! Если твои железки продырявят меня, Валмиер снимет с тебя кожу живьем! Прикажи им стоять! Код отмены — твой личный идентификатор!

Три... Два...

Сверху, со второго этажа галереи, раздался тяжелый топот. Из тени колонн показалась фигура человека. Огромного, квадратного, похожего на платяной шкаф, которому пришили человеческую голову. Начальник охраны Боров. В отличие от своих подчиненных, он предпочитал старую добрую плоть синтетике. В руке он сжимал обрез двуствольного ружья двенадцатого калибра. — Стоять! — проревел он так, что задрожали стекла. — Железки, осади! Это наш клиент!

Статуи замерли, поведив стволами еще секунду, и рассла-

били механизмы. Лазерные точки погасли. Жалюзи на окнах остановились на полпути, оставив узкие бойницы.

Боров тяжело спустился по лестнице, перешагивая через две ступеньки. Остановился в пяти метрах от меня, переводя взгляд с моего залитого кровью костюма на трупы у входа. — Неплохо для мертвого парня, Рублев, — прохрипел он, сплевывая на мрамор жевательный табак. — Валмиер говорил, что ты можешь быть шумным, но я не думал, что настолько. Зачем пришел? Скучно стало в земле гнить? — Пришел забрать свое, — сказал я, опуская автомат, но не убирая палец со спускового крючка. — И вернуть должок тому, кто организовал мои похороны. Где сейф?

Боров осклабился, демонстрируя металлические фиксы вместо передних зубов. — Внизу. Бункер уровня минус три. Но ключа у меня нет. Код активации генерации меняется каждые сутки. Знает только сам яйцеголовый. Он сейчас в главном серверном зале, молится своим проводам. Проводить? — Будь любезен, — улыбнулся я. — И прикажи своей красотке из динамика принести аптечку. У меня плечо болит, да и рубашка вышла из моды.

Глава 5: Кабинет таксидермиста

Лифт в поместье Валмиера оказался не просто лифтом, а передвижной камерой дезактивации. Как только тяжелые створки сомкнулись за нашими спинами, сверху ударили струи едкого пара. Система сочла меня биологически опасным объектом. Боров стоял рядом, даже не поморщившись

— его синтетические легкие фильтровали любую дрянь еще на вдохе. Я же закрыл лицо рукавом пиджака, пытаюсь не задохнуться от запаха хлорки и жженой резины. Когда кабина дернулась и пошла вниз, начальник охраны наконец соизволил нажать кнопку отмены дезинфекции на панели для гостей. — Акклиматизация, — буркнул он, выпуская меня в коридор минус второго уровня. — Доктор помешан на стерильности. Боится принести на подошвах обычную простуду. Говорит, она портит чистоту эксперимента.

Коридоры бункера давили на психику. Здесь не было окон, картин или ковров. Только гладкий белый полимер стен, гудение вентиляции и бесконечные двери из бронестекла. За каждой дверью что-то светилось синим, капало зеленой жидкостью или тихо пульсировало. Мы проходили мимо лабораторий, где в формалине плавали существа, которых мать-природа точно не создавала. Рыба с лапами амфибии. Обезьяна, чьи кости просвечивали сквозь кожу, замененную прозрачным хитином. Валмиер здесь был богом, а местный пантеон состоял исключительно из уродов. Сейфовая комната находилась в самом конце восточного крыла. Никаких золотых дверей или вращающихся механизмов из кино. Просто глухая плита титана без единой ручки. Рядом стояла стеклянная колба с единственным предметом внутри — человеческой кистью, подключенной к сканеру сетчатки. — Биометрический замок последнего шанса, — кивнул Боров на руку. — Если систему взломают удаленно, сейф от-

кроется только при живом прикосновении одного из доверенных лиц. Валмиер отрезал ее у своего прошлого начальника безопасности после того, как тот попытался его шантажировать. Весьма сентиментальный парень наш доктор.

Боров приложил свой глаз к сканеру. Раздался тихий щелчок. Колба опустилась в пол. Затем он прижал свою огромную ладонь к квадрату ДНК-идентификатора на стене. Плита загудела, сервоприводы внутри стены начали медленно отодвигать многотонный монолит. — Прошу, — Боров сделал приглашающий жест рукой. — Код генерации данных меняется каждые шестьдесят минут. У нас есть сорок секунд, чтобы вытащить жесткий диск, пока протокол уничтожения не сжег всё к чертовой матери.

Я шагнул внутрь. Комната оказалась неожиданно маленькой — пять на пять метров. В центре на пьедестале из черного стекла стоял единственный предмет. Он совсем не походил на сервер или массив памяти. Это была сфера размером с человеческую голову, сделанная из темного кристалла. Внутри нее хаотично метались молнии, заключенные под напряжением в миллионы вольт. От сферы отходило всего два провода: один уходил в стену, второй заканчивался штекером, похожим на иглу для инъекций. — Что это за хрень? — спросил я, не решаясь подойти ближе. Воздух вокруг артефакта дрожал от статики, заставляя волосы на руках вставать дыбом. — Это сердце «Химеры», — спокойно ответил Боров. — Физическое ядро проекта. Все данные о вирусе, фор-

мулы синтеза и антитоды хранятся прямо там, в квантовой матрице. Чтобы достать информацию, нужно воткнуть эту штуку себе в затылок. Он протянул мне штекер-иглу. Металл холодно блеснул в красном аварийном освещении. — Валмиер сказал, ты знаешь, как этим пользоваться. Интерфейс прямого подключения. Надевай шлем и качай данные. Минус третий уровень ждет тебя внизу, лифт заблокирован до завершения копирования.

Я взял штекер. Весила эта штука подозрительно мало. Идея втыкать неизвестные провода от безумных ученых себе в мозг всегда казалась мне крайне сомнительной карьерной перспективой. Но аванс был уже потрачен, а заказчик очень не любит, когда фрилансеры меняют условия договора посреди задания. — Знаю, — соврал я, поворачиваясь к начальнику охраны спиной. — Закрой дверь. Магнитное поле фонит, может испортить твои импланты.

Боров хмыкнул, но послушно вышел. Тяжелая титановая плита начала возвращаться на место, отсекая комнату от внешнего мира.

Как только щель стала достаточно узкой, я резко развернулся. Мой трофейный «АК» смотрел Борову точно между глаз. — Извини, дружище, — сказал я, нажимая на спусковой крючок. — Но твой доктор забыл упомянуть одну деталь.

Звук выстрела в замкнутом пространстве титановой коробки ударил по барабанным перепонкам, словно кувалда.

Пуля калибра 7.62 вошла в лоб начальника охраны, выбив фонтан черной густой жидкости и осколков пластика вместе с затылочной костью. Его огромное тело отбросило назад. Он врезался в закрывающуюся дверь, застрял в проеме, и автоматика лифта жалобно взывала, пытаясь раздавить труп. Спустя секунду механизмы победили — плиту зажало намертво. Мы остались заперты вдвоем. Вернее, я и стремительно остывающий мешок мяса.

Тяжело дыша от адреналина и оглушения, я подошел к сфере. Провел пальцем по ее поверхности. Кристалл был ледяным. Молнии внутри замедлили свой бег, словно принимаясь ко мне.

Вариантов не было. Либо я сейчас стану флешкой для доктора-психопата, либо останусь здесь навсегда, потому что через десять минут включатся напольные огнемёты.

Я стащил с головы остатки своей окровавленной рубашки, плотно обмотал ею левую руку, выставил вперед локоть и со всей силы впечатался плечом в сферу.

Кристалл лопнул с мелодичным звоном тысячи бокалов. Пространство комнаты вспыхнуло ослепительно белым светом. Миллионы вольт вырвались на свободу. Меня выгнуло дугой, зубы свело судорогой, а в голове зазвенело так, будто кто-то пытался вскрыть череп консервным ножом. Последнее, что я увидел перед тем, как потерять сознание — как чернильная тьма из разбитого кристалла перетекает по воздуху прямо мне в глаза.

Глава 6: Баг в системе

Сознание возвращалось нехотя, словно утопленник, которого тянут за волосы со дна. Первым пришел запах озона и жженой плоти. Вторым — ощущение ледяного кафеля под щекой. Третьим стал звук.

Кто-то тихо плакал. Совсем рядом. Плакал по-детски, всхлипывая и шмыгая носом.

Я с трудом разлепил веки. Потолок был белым. Слишком белым, без единого пятнышка. Я лежал на полу той самой комнаты-сейфа, но она изменилась. Титановая дверь исчезла. Вместо нее была обычная деревянная панель. Труп Борова тоже пропал, как и разбитый кристалл «Химеры». На его месте стоял полированный дубовый стол, на котором красовалась пишущая машинка «Ундервуд» и стакан с недопитым чаем. — Очнулся? — спросил детский голос.

Я резко перекатился на бок, принимая боевую стойку, и тут же зашипел от боли. Левое плечо онемело. Рука висела плетью. Напротив меня, на кожаном диване для посетителей, сидел мальчик лет восьми. Одет он был в идеально выглаженную школьную форму тридцатых годов: короткие штанишки, гольфы, белая рубашка с отложным воротником. Его лицо было бледным, почти прозрачным, а глаза казались неестественно огромными и старыми. — Не дергайся, — сказал мальчик, вытирая слезы рукавом. — Ты мне локтем в печень заехал, когда падал. Очень больно. И невежливо. — Где я? — прохрипел я, шаря взглядом по комнате в

поисках оружия. Мой «АК» испарился. Кобура с «Глоком» тоже. Я остался в одних изодранных брюках. — Ты дома, Павел, — мальчик улыбнулся, обнажив слишком ровные, фарфоровые зубы. — Это твой разум. Или то, что от него осталось после прямого подключения к квантовому ядру. Доктор Валмиер очень просил передать привет. Он говорит, ты сделал большую глупость, разбив сосуд голыми руками. Теперь мы немного перемешались.

Я поднялся на ноги. Пол качался. Стены кабинета слегка пульсировали в такт моему сердцебиению. За окном вместо джунглей Индийского океана простирался серый питерский двор-колодец. Моросил мелкий дождь. — Иллюзия, — выдохнул я, опираясь на стол. — Классическая нейроловушка. Сейчас придет бородатый психоаналитик и спросит про мое детство? — Нет, — мальчик перестал плакать мгновенно, став серьезным. — Сюда идет Боров. Только теперь он работает у нас системным администратором.

Тяжелая дверь кабинета распахнулась от удара ноги. На пороге стоял начальник охраны. Но от того квадратного шкафа, который провожал меня сюда, мало что осталось. Его кожа слезла лоскутами, обнажая титановый эндоскелет. Правая рука трансформировалась в многоствольную пушку системы «Вулкан». А голова... головы не было. Из плеч рос пучок оптоволоконных кабелей, которые заканчивались мигающими диодами. — Нарушитель протокола загрузки, — прогудел синтезированный голос откуда-то из груди робота.

— Обнаружена попытка кражи интеллектуальной собственности. Назначена принудительная дефрагментация личности.

Он вскинул руку-пушку. Скорострельность этой штуки могла превратить меня в розовый туман за долю секунды. — Беги! — крикнул мальчик, спрыгивая с дивана. — К двери в конце коридора! Там выход из симуляции!

Я не стал спорить. Адреналин прочистил мозги лучше нашатыря. Я рванул мимо застывшего Борова, нырнув в дверной проем. Коридор оказался бесконечным. Двери палат по обе стороны были открыты. Внутри сидели люди. Десятки людей. Они раскачивались взад-вперед, привязанные к креслу проводами, уходящими прямо в их вскрытые черепа. Их глаза были закатаны, а изо рта тянулась слюна. Среди них я узнал пилота гидроплана, Ричарда Хейса с табличкой на шее и даже парня в семейных трусах с пляжа. Все они были здесь, подключенные к матрице доктора. — Это его сервер охлаждения, — кричал мальчик, бежавший следом за мной босиком. — Валмиер использует психику наемников, чтобы охлаждать свои процессоры! Мы просто расходный материал!

Боров открыл огонь. Очередь крупнокалиберных снарядов прошла над моей головой, превращая дальнюю стену коридора в решето. С потолка посыпалась штукатурка. — На лево! — скомандовал мальчишка. — В палату номер тринадцать!

Я вломился в указанную дверь. Палата выглядела иначе. Никаких проводов. Только старое советское кресло стоматолога, заляпанное бурым, и тусклая лампа накаливания на проводе. В углу стояла ржавая мойка, забитая использованными бинтами. — Садись! — мальчик указал на кресло. — Тебе нужно перезагрузить нервную систему. Выбей клин клином. — Издеваешься?! — я оглянулся назад. Дверь начала плавиться от жара очереди Борова. Металл тек на пол, как воск. — Меня сейчас превратят в швейцарский сыр! — Если останешься стоять, да! — паренек уже крутил какие-то вентили на моем кресле. — Если сядешь — проснешься. Будет больно, как в первый раз. Валмиер внедрил тебе в затылок жидкую взрывчатку на случай неповиновения. Как только твои мозговые волны стабилизируются до уровня бодрствования, заряд детонирует. У тебя есть десять секунд до полной интеграции. Девять!

Выбора не было. Я рухнул в скрипящее кресло. Мальчик ловко защелкнул стальные браслеты на моих запястьях и лодыжках, намертво припечатав к холодной коже сиденья. — Восемь! Кто такой Рублев? — быстро спросил он, наклоняясь к моему лицу. — Мертвец, — процедил я сквозь сжатые зубы. — Семь! Кем ты хочешь быть?! — Шутником! — заорал я, чувствуя, как реальность начинает трескаться по швам. — Шесть! Что такое остров?! — Тюрьма! — слова давались с трудом, язык едва ворочался во рту. — Пять! Цель визита?! — Данные! — вспышка боли пронзила позвоноч-

ник, заставляя выгнуться дугой. — Четыре! — руки мальчика забегали по панели управления сбоку от кресла. Провода с присосками начали опускаться из темноты потолка. — Три! Куда вставлять электроды?! — В душу! — выкрикнул я первое, что пришло в голову, захлебываясь кровью, хлынувшей из носа. — Отличный ответ! — мальчик хищно оскалился, и его глаза вспыхнули красным светом сервера. — Два! Держись, Паша! Один!

Он воткнул первую присоску мне в висок.

Мир взорвался ослепительной белой болью. Звук пулеметной очереди смешался с визгом бормашины. Кресло под мной провалилось вниз, падая в бездну. Последней мыслью перед тьмой было осознание того, что парень в школьной форме ни разу не моргнул.

Глава 7: Пробуждение в морге

Боль отступила так же резко, как и началась. Вместо нее пришла звенящая тишина и запах формалина.

Я открыл глаза. Никакого кресла стоматолога, никаких проводов из потолка. Я лежал на спине, глядя на тусклую лампочку без абажура. Тело было тяжелым, словно налитым свинцом, а во рту стоял привкус крови и дешевого пластика. Попытка пошевелить левой рукой отозвалась тупой ноющей болью в плече — том самом, куда угодил коготь электрососбаки.

Рядом что-то противно запищало. Монитор сердечного ритма.

Я рывком сел, срывая с груди холодные присоски датчиков. Писк сменился тревожным воем, который тут же оборвался — я вырвал провода с корнем. Голова кружилась, перед глазами плыли черные мушки, но координация возвращалась. Мозг лихорадочно просчитывал варианты после такого глубокого нейронного погружения. Валмиер не просто украл мои воспоминания для охлаждения процессоров. Он оставил там закладку. Или капкан.

Комната оказалась прозекторской или очень качественным ее симулятором. Кафельные стены, стальной стол посередине, раковина со скальпелями и крюки для одежды по стенам. Окон не было. Единственная дверь выглядела массивной, герметичной, с электронным замком и маленьким круглым окошком. За дверью горел красный свет дежурного освещения.

Моей одежды нигде не было. На мне болтался только бумажный больничный халат, который ничего не прикрывал при резких движениях. «Глока», разумеется, тоже не было. Зато под стальным столом, среди использованных капельниц, валялась моя сбруя. Кто-то аккуратно сложил туда запасные магазины к автомату, аптечку и мой любимый керамбит. Самого автомата не было — видимо, посчитали слишком громоздким для сувенира. Но нож был на месте. Это уже радовало.

— Проснулся, экспонат? — раздался голос из динамика под потолком. Женский, тот самый синтезированный бархат,

который приветствовал меня в холле. — Доктор Валмиер просил передать, что ты установил новый рекорд пребывания в ядре. Девять минут сорок две секунды. Обычно крысы сходят с ума на второй минуте. Ты либо очень крепкий, либо очень глупый. — У тебя просто чудесное чувство гостеприимства, — прохрипел я, разминая шею. — Где мои вещи? И где сам доктор? Хочу пожать ему горло. — Вещи дезинфицируются. А доктор сейчас смотрит на тебя. Добро пожаловать в главный зал управления, Павел. Поднимите взгляд, пожалуйста.

Я задрал голову. Потолок над столом оказался фальшивым. Черное стекло, за которым угадывались очертания огромного помещения и ряды мерцающих мониторов. Там, наверху, в своем гнезде из кабелей, сидел он. Я видел лишь силуэт в кресле-каталке, подсвеченный синим светом десятков экранов. — Впечатляет, Рублев, — голос Валмиера звучал иначе, чем через динамики. Сухой, скрипучий, лишенный всяких эмоций. Так говорят люди, которые давно разучились дышать полной грудью. — Боров доложил о твоей выходке в сейфе. Разбить квантовый накопитель стоимостью в годовой бюджет небольшой страны... Смело. Очень в твоём стиле. — Стиль обязывает, — я медленно поднялся на ноги, стараясь не делать резких движений. — Отдай жесткий диск, открой двери, и мы сделаем вид, что это была просто неудачная шутка. Обещаю уйти тихо. — Боюсь, не могу, — в динамиках раздался сухой смешок. — Видишь ли, когда

ты разбил сосуд, произошел скачок напряжения. Часть моей матрицы впечаталась в твой череп. Теперь внутри тебя сидит копия моего ядра. Незавершенная, нестабильная, но вполне рабочая. Если ты выйдешь отсюда живым, корпорации найдут способ вытащить эти данные. Проект «Химера» перестанет быть моим эксклюзивом. А я, знаешь ли, эгоист. Мне нравится быть единственным богом в этой песочнице.

Красный свет в комнате мигнул, сменяясь на ультрафиолетовый. По кафелю пополз странный зеленоватый туман. — Поэтому, дорогой мой, ты никуда не пойдешь, — продолжил Валмиер. — Ты станешь частью коллекции. Идеальный экземпляр. Человек, выживший после прямого подключения. Мы будем изучать тебя десятилетиями. Какое счастье, что твоя страховка жизни аннулирована три года назад.

Ультрафиолет начал жечь глаза, а туман пах озоном и жареным мясом. Система безопасности явно собиралась сварить меня заживо или растворить кислотой. Искать выключатель бесполезно — все управление там, наверху.

Я подошел к стальному столу. Схватил тяжелый лоток со скальпелями. И изо всех сил швырнул его прямо в стеклянный купол смотрового окна под потолком.

Стекло выдержало, пошел трещинами, но не рассыпалось. Однако шум привлек внимание. Силуэт в кресле дернулся. — Глупо, Рублев. — Зато громко, — ответил я.

В ту же секунду я схватил свой керамбит. Лезвие шелкнуло, выходя в боевое положение. Я приставил острие ножа к

левому предплечью, прямо туда, где под кожей бился пульс, и нажал. Боль была острой, настоящей, вышибающей слезу. Она перебила фантомные отголоски пыток из симуляции.

Валмиер внизу этого почувствовать не мог. Для него я все еще был программой, пытающейся найти баг в текстах. Но я искал не баг. Я искал проводку.

Потолок здесь делали в спешке. Прямо надо мной, скрытый за декоративной панелью вентиляционной решетки, шел толстый пучок силовых кабелей. Они питали прожекторы и систему подачи газа. Изоляция старой американской выделки — дешевый ПВХ.

Я полоснул ножом по халату, отрывая длинный лоскут ткани. Намотал его на лезвие керамбита. — Прощай, док, — сказал я в потолок и ударил рукояткой ножа по оголенному лезвию.

Искра получилась знатной. Оголенный металл коснулся медной жилы. Вспышка. Короткое замыкание. Тонко завыли сервоприводы, пытаюсь закрыть бронированные ставни, которых сверху не было. Свет вырубило полностью. Комната погрузилась в абсолютную темноту, пропитанную запахом паленой резины.

С потолка посыпались куски изоляции. Включилось аварийное питание — тусклое, красное. Газовая атака прекратилась.

Этого хватило. Пока система перезагружала протоколы защиты, я метнулся к двери. Электронный замок мертв. Но

физика осталась физикой. Рядом с косяком проходила труба системы пожаротушения. Толстая сталь.

Я уперся ногой в стену, перехватил трубу обеими руками и повис на ней всем весом. Металл застонал. Сварной шов, соединяющий трубу с магистралью под потолком, был сделан пьяным сантехником. Еще один рывок. Хруст. Фонтан ледяной воды под давлением в двести атмосфер ударил точно в центр комнаты, смывая зеленый туман и заливая аппаратуру внизу.

— Ах ты мелкая дрянь! — взревел голос Валмиера, перекрывая шипение пара. — Активировать резервных охранников! Живым!

Я прыгнул в поток воды, уходя с линии возможного огня. Мокрый бумажный халат прилип к телу. Впереди, в конце коридора, сквозь хлещущие струи виднелась лестница наверх, обозначенная зеленым значком выхода. До нее двадцать метров открытого пространства.

Из боковых дверей начали выходить они. Не психи с мачете и не элитные солдаты Борова. Эти двигались плавно, бесшумно. Охранные андройды серии «Немезида». Четыре конечности, титановые корпуса, встроенные иглометы в предплечьях. Их красные оптические сенсоры вспыхнули в полумраке.

Их было шестеро. У меня — затупившийся после удара нож, сломанное плечо и дикое желание выпить.

Глава 8: Балет на мокром кафеле

Холодная вода заливала глаза, но она же спасала от перегрева сервоприводов. «Немезиды» активировались почти бесшумно — только тихое гудение гидравлики и щелчки калибрующихся линз. Шесть красных точек прицелов сошлись у меня на груди. Иглометры в их предплечьях издали тонкий свист, готовясь выпустить очередь нейротоксина.

Бежать к лестнице было самоубийством. Расстояние слишком мало для спринта, они настигнут меня за два шага. Стрелять нечем. Оставалось использовать единственное преимущество этого зала — хаос, который я сам здесь устроил.

Я швырнул свой керамбит рукояткой вперед в ближайшего андроида слева. Не чтобы убить — пробить титановый корпус ножом невозможно. Цель была дезориентировать. Нож ударился о плечевой сустав машины, высек снопы искр и со звоном упал в поток воды. Робот дернулся, сенсоры на мгновение переключились на отслеживание летящего объекта.

В ту же секунду я рухнул спиной прямо под ноги центральной паре «Немезид», уходя с линии огня. Вода доходила мне до колен, делая каждое движение вязким, но зато пол стал идеально скользким.

Андроиды открыли огонь. Сотни тонких игл прошли пространство там, где я стоял секунду назад, впиваясь в стену и перебивая трубы водоснабжения. Журчание превратилось в рев водопада. Две «Немезиды», шедшие плотной

группой, наступили прямо на меня. Их вес исчислялся сотнями килограммов чистого металла.

Но падать вместе с ними веселее, чем стоять перед ними. Я схватил ближайшего робота за щиколотку — холодную, ребристую — и рванул на себя, используя инерцию его собственного движения по скользкому полу. Механизм потерял равновесие. Законы физики оказались сильнее программно-го обеспечения. «Немезида» взмахнула руками, пытаясь стабилизироваться, врезалась в соседа, и оба покатались по кафелю кубарем, ломая раковины и круша оборудование. Иглометы разрядились в потолок, перерубая оставшиеся кабели электроснабжения. Зал погрузился в аварийный мрак, освещаемый теперь только вспышками коротких замыканий и красными визорами падающих машин.

Оставшиеся четверо мгновенно перестроились. Они больше не бежали цепью. Рассыпались по периметру, прижимаясь к стенам, используя столы как укрытия. Их оптика переключилась в инфракрасный режим — сквозь ледяной фонтан и пар они видели меня как яркое пятно тепла посреди синего океана. — Валмиер! — крикнул я, перекатываясь за массивный стальной секционный стол. — Твои пылесосы спотыкаются! Может, тебе стоит вызвать уборщицу? — Сдайся, Рублев, — прохрипел динамик голосом доктора, искаженным помехами от короткого замыкания. — Мои дети просто играют с тобой. Им скучно без Борова.

Одна из «Немезид» прыгнула на мой стол сверху, проло-

мив тонкую сталь своими манипуляторами. Искры посыпались дождем. Я выкатился с другой стороны, хватая со стойки тяжелую стеклянную колбу с заспиртованным эмбрионом неизвестного происхождения. Содержимое напоминало скрещенного кальмара с младенцем. Весьма увесистая штука.

Робот занес ногу, чтобы растоптать меня. Я метнул колбу точно в его голеностопный сустав — самое уязвимое место, где сходились силовые приводы. Толстое стекло лопнуло. Смесь формалина, спирта и разорванных тканей хлынула внутрь механизма. Оптика андроида замигала желтым. Ошибка системы: «Загрязнение смазки». Он замер на полшаге, нелепо балансируя на одной ноге, пока его процессор пытался понять, почему поршни начали скрипеть запахом морга.

Это подарило мне две секунды. Я бросился к стене, где висел пожарный щит. Красный ящик сорвало струями воды, но топор остался на месте. Дешевая китайская сталь, тупой, тяжелый. Идеально.

«Немезиды» снова открыли огонь, разнося вдребезги то, что еще не уничтожила вода. Иглы жужжали вокруг осиным роем. Одна чиркнула меня по бедру, вспоров кожу и мышцы. Боль обожгла огнем, но адреналин пока держал марку. Кровь тут же смешалась с ледяной водой, окрашивая ее в розовый.

Я подхватил топор. Лезвие глубоко вошло в грудь следующей «Немезиды», которая попыталась обойти меня спра-

ва. Удар пришелся чуть выше солнечного сплетения, туда, где у человека сердце, а у боевой машины находится главный распределительный узел питания. Топор застрял. Андроид начал медленно заваливаться на меня, вытягивая стальные руки-манипуляторы.

Я не стал вытаскивать оружие. Отпустил рукоять и нырнул под воду с головой. В ушах зазвенело, мир сузился до мутной красной пелены. Руки робота шарили над поверхностью, разбрызгивая воду, но достать меня не могли.

Секунд через двадцать легкие начали гореть. Кислород кончался. Если я сейчас вынырну — меня наспигуют иглами. Но оставаться внизу тоже нельзя — остальные трое уже обходили затопленный сектор по сухим участкам пола.

Решение пришло само собой, грязное и жестокое. Прямо перед моим лицом, на дне, среди осколков стекла и медицинского мусора, лежал электрод дефибриллятора, оборванный с аппарата во время потопа. Медные провода оголились и змеились в воде как маленькие электрические угри.

Я схватил пучок проводов. Ток в госпитальной сети даже после падения напряжения оставался смертельным. Вынырнув на долю секунды, сделав судорожный вдох, я всем телом навалился на упавшую «Немезиду», погружая концы проводов прямо в развороченную грудную клетку, где торчал мой топор.

Короткое замыкание получилось масштабным. Электричество ушло в воду. Вся лужа, в которой я барахтался,

вспыхнула синим светом. Оставшихся на ногах андроидов выгнуло дугой. Их оптические линзы лопнули от скачка напряжения. Системы защиты вырубились. Двое рухнули в воду неподвижными грудami металлолома. Третий успел отскочить на сухой участок, но двигался теперь рваными, дергаными движениями — его гироскопы выжгло.

Последний робот оказался самым умным. Он не лез в ближний бой. Держался у самого выхода на лестницу, водя своим целеуказателем. Между нами было пять метров открытой воды. Для его игломета это дистанция прямого попадания. Для моего отсутствующего автомата — тоже.

— Неплохо, Рублев, — голос Валмиера звучал уже не насмешливо, а с нотками научного интереса. — Ты ломаешь мои лучшие игрушки быстрее, чем я успеваю подписывать акты списания. Но четвертый этаж закрыт. Дальше ты не пройдешь. Там вакуумные шлюзы.

Я тяжело дышал, сжимая скользкую рукоять топора. Левое бедро пульсировало болью, плечо онемело окончательно, а правая рука едва слушалась после удара током. Мокрая бумажная тряпка на теле совершенно не защищала от холода подземелья.

Дерганый андроид издал механический скрежет, который мог быть смехом, и сделал шаг вперед, выходя на позицию для стрельбы.

Глава 9: Правила эвакуации

Дерганый андроид сделал еще один шаг вперед. Его опти-

ка щелкнула, фокусируясь на моем горле. Красный луч целеуказателя уперся мне точно в кадык. Пять метров — дистанция гарантированного поражения для игломета. У меня не было даже щита, чтобы отбить пулю, только тяжелый хирургический топор с широким лезвием и рефлекс человека, который слишком часто умирал в чужих симуляциях.

— Знаешь, почему ты проиграешь, Рублев? — голос Валмиера из динамиков звучал почти ласково, перекрывая шипение воды и гудение аварийных ламп. — Потому что ты мыслишь категориями выживания. А я мыслю категориями архитектуры. Этот этаж — тупик. Лестница ведет к шлюзам, которые открываются только моим отпечатком пальца или после подтверждения смерти всех биологических объектов на этаже. Ты заперт здесь со своими металлическими друзьями навечно. — Тогда начнем вечность прямо сейчас, — прохрипел я.

Я не стал бросаться на него в самоубийственной атаке. Вместо этого я резко упал на колени прямо в ледяную воду, уходя с предполагаемой линии огня ниже уровня его визуальных сенсоров, и швырнул топор рукояткой вперед. Это был жест отчаяния, рассчитанный на сотые доли секунды. Топор пролетел над самой поверхностью воды, ударил «Немезиду» по коленному суставу и отскочил в сторону, бесполезно булькнув где-то слева.

Робот дернулся от удара, но устоял. Однако эта микросекунда потери баланса сбила синхронизацию его выстрела.

Иглы прошили воздух там, где была моя голова секунду назад, выбив фонтаны бетонной крошки из стены за спиной.

Этого хватило. Я уже не стоял на коленях. Я летел.

Когда противник выше тебя и вооружен, а пол под ногами превратился в каток, лучшая тактика — убрать этот самый пол из уравнения. Я врезался плечом ему точно под центр тяжести, метя в тазобедренный узел. Мы рухнули в воду вместе. Мертвая хватка манипуляторов сомкнулась на моей шее, пытаясь раздавить трахею. Оптические линзы оказались в сантиметре от моего лица. Внутри них я видел собственное отражение — мокрое, окровавленное, безумное лицо мертвеца.

Воздуха не хватало. Вода хлынула в легкие сквозь разбитые зубы. Сознание начало мерцать. Но пальцы левой руки, той самой, что онемела от боли, нащупали на поясе робота блок экстренного сброса давления. Маленькая красная кнопка размером с монету. Инженеры ставят их везде, надеясь, что обслуживающий персонал успеет нажать ее до того, как гидравлика превратит суставы в кашу.

Я вложил последние остатки сил в нажатие. Не пальцем — костяшкой, ломая палец при этом с сухим треском.

Раздался звук, похожий на вздох умирающего кита. Из суставов «Немезиды» брызнули струи черной гидравлической жидкости под чудовищным давлением. Манипулятор на моей шее обмяк — давление, державшее стальные пальцы, исчезло. Робот забился в конвульсиях, заливая мутную воду

маслом. Его процессор сходил с ума, получая противоречивые данные от датчиков: потеря подвижности девяносто процентов, критическая утечка смазки.

Я сполз с его груди, глотая воздух пополам с водой. Легкие горели огнем. Левая рука висела плетью, переломанные пальцы торчали под неестественным углом. Весь мир сузился до одной цели: лестницы.

Четвертый этаж встретил меня вакуумом и тишиной. Тяжелая гермодверь захлопнулась за моей спиной, отрезая звуки потопы, сирены и предсмертного визга машин. Здесь было сухо, стерильно и пахло озоном. Коридор был узким, идеально белым. В конце виднелась кабина лифта с открытыми дверями. Спасение. Всего двадцать шагов по красной ковровой дорожке.

Я сделал первый шаг. Второй. Третий. И тут же пожалел, что не остался тонуть внизу.

Пол подо мной исчез. Вернее, он остался на месте, просто перестал существовать для законов гравитации. Пространство коридора исказилось, пошло рябью, как поверхность воды от брошенного камня. Красная дорожка взмыла вверх, сворачиваясь в спираль. Потолок ушел куда-то вбок. Меня вырвало желчью прямо в воздухе — вестибулярный аппарат отказался воспринимать такую наглость со стороны физики.

Валмиер не солгал про архитектуру. Четвертый этаж действительно не был полом. Это была гигантская гравитационная ловушка-лабиринт.

— Добро пожаловать в мой любимый аттракцион, Павел!
— весело крикнул доктор. — После того, как твои друзья
внизу немного намочили проводку, мои защитные протоко-
лы перешли на резервные контуры. Теперь дом управляется
напрямую моей волей. Попробуй найти выход, когда поня-
тия «верх» и «низ» зависят исключительно от моего настро-
ения!

Меня приложило лицом о стену. Которая секунду спустя
стала полом. Я рухнул с высоты трех метров, выбивая дух.
Перекатился, чувствуя, как хрустят ребра. Новый удар свер-
ху — это потолок решил познакомиться поближе. Я едва
успел выставить руки, принимая вес собственного тела на
сломанные пальцы. Боль была такой яркой, что перед глаза-
ми поплыли белые пятна.

Пространство вокруг вращалось. Коридор превратился в
бесконечный колодец, где стены, пол и потолок менялись ме-
стами каждые две секунды. Где-то впереди маячила кабина
лифта, то оказываясь под моими ногами (что делало падение
особенно увлекательным), то прилепляясь к стене горизон-
тально.

— Тебе помочь? — заботливо спросил Валмиер. — Или
дать насладиться моментом? Кстати, та копия ядра в твоей
голове передает пламенный привет. Она очень хочет выйти
наружу. Если будешь продолжать сопротивляться, я переста-
ну сдерживать шлюзы. Представляешь, какой красивый баг
вылезет из твоего затылка?

Ярость оказалась отличным обезболивающим. Я зарычал, цепляясь окровавленными пальцами за стыки декоративных панелей, которые теперь служили мне опорой в невесомости. До лифта оставалось десять метров. По прямой. Проблема в том, что прямой линии больше не существовало.

Кабель связи свисал с потолка-стены болтающейся змеей. Толстая черная жила. Я дотянулся до него, обмотал вокруг правого предплечья — единственной рабочей конечности — и туго затянул узел.

— Смело, — прокомментировал Валмиер. — Решил повеситься? Одобряю. Эстетично.

Я оттолкнулся от пульсирующей панели изо всех сил. Гравитация снова сменилась — стена стала полом, и меня понесло вниз, прямо навстречу стальной двери лифта, которая в данный момент выполняла роль задней стенки шахты. Скорость была огромной. Если врежусь — размажет тонким слоем.

Но я летел не к двери. Я летел к кабелю.

В последний момент, когда до столкновения оставались доли секунды, я подтянул ноги и со всей силы ударил ботинками по толстой изоляции провода. Узел на руке сработал как точка опоры. Кабель спружинил. Меня дернуло вверх, размазывая по этому импровизированному канату, инерция погасла. Болтаясь посреди искаженного пространства, метрах в пяти от пола и десяти от спасительного лифта, я понял план доктора.

Он хотел превратить меня в фарш медленно, перемалывая психику невозможностью логики.

— Неплохо акробатничаешь для трупа, — прошипел я в пустоту. — Но физика все равно круче твоих фокусов.

Свободной левой рукой — точнее, культей, висящей на лоскуте кожи, — я нашарил в набедренном кармане разгрузки последнюю вещь, которую Валмиер забыл отобрать. Зажигалку. Дешевую пластиковую «Zippo», заправленную высокооктановым бензином. Она пережила купание в воде, потому что была герметичной.

Щелчок кремня. Искра. Вспышка маленького, дрожащего огонька во мраке парящего коридора.

Пластик кабеля начал плавиться мгновенно. Огонь пожирал изоляцию, добираясь до медных жил. Система пожаротушения четвертого этажа наверняка тоже пострадала от короткого замыкания вниз. Датчики температуры сошли с ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.